

Раухвергер Ян
(Виссавина
хуфеннича)

8.09.04

Легкая розовая дымка

Выставка Яна Раухвергера в Третьяковке

Когда-то, в далекой московской юности, выставка в Третьяковской галерее была для Яна Раухвергера призрачной мечтой. Вряд ли он мог представить себе тогда, что приедет в Москву признанным израильским художником, сразу после персональной выставки в Музее Израиля в Иерусалиме. И хотя его работы выставились в престижных галереях и музеях Нью-Йорка, Парижа, Бельгии, Германии, Голландии, выставка в Третьяковке, которая открылась 1 сентября, это не просто "еще одна выставка". И он, естественно, волнуется.

Детство Яна прошло в Киеве, куда вернулись из эвакуации его родители. Отец, профессиональный художник, обратил внимание на появляющиеся каждый день новые рисунки сына — и в 12 лет мальчик был определен в художественную школу. Во время службы в армии он продолжал рисовать. Об этом периоде упоминают два-три групповых портрета солдат, сохранившиеся по сегодняшний день, при взгляде на которые становится ясно, почему он хотел учиться у Дейнеки. Увы, пока Ян служил, Дейнеки не стало, а Суриковский институт без него уже не привлекал. Но в Киеве тоже не у кого было учиться, и Ян Раухвергер поступает в Московский полиграфический институт, где властвовала так называемая школа Фаворского.

"Учиться я пошел в основном, чтобы получить диплом, для родителей. Там можно было научиться графике и дизайну, рисунку и живописи не были сильной стороной нашего института, а меня интересовали именно они".

В 1965 году произошла знаменательная для всего дальнейшего творческого пути Яна встреча с Владимиром Вейсбергом, одним из талантливейших художников шестидесятых годов.

"До случайного посещения его мастерской я мало что знал о нем самом и не видел его работ. Но уже первое впечатление от его картин было радостным и ошеломляющим: я почувствовал в них поразительную профессиональную и художественную правду. Я сразу сказал, что хочу у него учиться. Однако Вейсберг был художником, так сказать, полуофициальным, нигде не преподавал. Два года я носил ему свои работы. Лишь после этого он поверил мне как художнику, поверил в мою творческую искренность".

Неудивительно, что Ян Раухвергер признан одним из самых ярких представителей школы Вейсберга. Даже

живя в Израиле, будучи уже признанным мастером, он продолжал посылать Вейсбергу свои работы и с нетерпением ждал его критики. Так продолжалось до самой смерти Вейсберга в 1985 году. Ян признается, что и сегодня он ведет внутренний диалог со своим учителем. Кстати, и решение Яна уехать в Израиль было принято вместе с Вейсбергом.

"Я чувствовал, что не смогу развиваться как художник в Советском Союзе. А по характеру я не борец, не выйду на площадь, на баррикады. Да и Вейсберг предостерегал меня против этого. "Самое суровое и требовательное дело — быть художником", — говорил он. В то же время я был переполнен знаниями, впечатлениями, и мне нужен был своего рода необитаемый остров, чтобы многое осознать в себе, от многого отказаться, выйти на уже осознанно выбранный, собственный путь."

Израиль как нельзя более подходил для этой цели. Здесь была культура, о которой художник имел весьма смутное представление, да и то по нескольким художественным открыткам, здесь никто не знал и его. Можно было начинать с самого начала.

Он приехал в Израиль в 1973 году в числе тех, кто долгие годы мечтал о репатриации. При выходе из аэропорта многие обратили внимание, что его лицо залито слезами, и, естественно, приписали это проявлению сионистских эмоций. Объяснение было куда более прозаичным и физиологическим: это был шок от яркого солнца и новых световых ощущений. Именно поэтому первое время он писал только в ранние утренние часы.

"Я искал привычный мне мягкий, европейский свет, с которым мог бы работать. Мне казалось, что и тень в Израиле полна света, особенно у моря. В Израиле очень высокие облака, и всегда присутствует некая легкая, немножко розовая, дымка. Постепенно я начал находить себя и в коротких экспрессивных работах, которые писал за час, и в продолжительных. Это как разница между коротким рассказом и романом. Каждому хочется написать роман. Но со временем я понял, что после 36 часов работы конструкция у меня распадается и надо начинать сначала".

В 1974 году Ян Раухвергер начал преподавать в Художественном институте в Тель-Авиве, затем — в академии в Иерусалиме. В это же время он сближается со многими известными израильскими художниками старшего поколения: Иосифом Зарицким,

Авидором Стемацким, Леей Никель, изумительный черно-белый портрет которой висит у него в студии. Уже в 1975 году в Музее Израиля в Иерусалиме, а затем в 1979-м в Тель-Авивском музее он организует выставки работ Владимира Вейсберга, которые хорошо запомнились профессионалам. Сам Вейсберг на выставки не приезжал. И первая выставка работ Яна Раухвергера прошла все в том же 1975 году, где одна из его картин была сразу же приобретена Музеем Израиля в Иерусалиме.

И все же, несмотря на выставки в Израиле и за границей, преподавание в Тель-Авиве и Иерусалиме, Ян Раухвергер был убежден, что его признали только "стариком", а молодое поколение израильских художников его не знает. Лишь в начале 80-х, после одной из его больших выставок, когда известный израильский художник и критик Рафи Лави написал восторженную статью, из которой следовало, что он все эти годы внимательно следил за творчеством талантливого художника, Ян признал, что ошибался. Можно понять его сомнения в свете его собственного определения своей принадлежности.

"Я — израильский художник, воспитанный европейской культурой, где русская культура имеет огромный вес. В Израиле европейская культура пришла с тем поколением художников, которые приехали сюда в 1920-е годы. С ними она и ушла, ибо родившиеся здесь художники видели в ней некие признаки диаспоры, даже местечковости, и ориентировались на новое американское искусство. Из всех этих компонентов и формируется израильская школа. Но это займет время. Из молодежи все еще только единицы занимаются живописью с кистью и палитрой в руках. В моих работах я использую немало достижений нового искусства, что стало тоже частью моего почерка. Но всегда в основе — чувства, ассоциации, воспоминания детства... Это прежде всего влюбленность в объект, поиск сути того, над чем я начинаю работать. Эта влюбленность настолько увлекает меня, что я забываю, кто я такой и к чему пришел в предыдущих своих работах. Поэтому результат нередко и для меня совершенно неожиданный. И если он неожиданный для меня, то какую-то правду я открыл. Я даже не могу сказать или предвидеть, куда иду в процессе работы, но полагаюсь на себя, доверяю своим ощущениям. Впрочем, если бы мне не был интересен

Я.Раухвергер. "У окна"

сам процесс созидания и поиска, то я бы этим не занимался вообще".

Сегодня дом в Старом Яффо — мечта многих представителей израильской богемы. За последние годы на берегу моря выросли целые кварталы великолепных вилл и коттеджей. Реставрируются и старые дома, когда от строения остается только оболочка. Ян Раухвергер поселился здесь еще в конце 70-х, когда Яффо считался экзотическим, но весьма непрезентабельным местом, и почти не изменил ничего внутри.

"Я всегда жил на высоких этажах, и в Киеве, и в Москве, да и первые годы здесь, в Израиле. Я ездил в Яффо обжигать керамику, когда впервые увидел эти дома в христианском

арабском квартале. Тут, в отличие от мусульманских домов, ровные, а не сводчатые потолки, прямые стены, да и пространства куда больше. Мне это сразу же показалось очень правильным местом для жизни. Тем более что я увидел и кусок земли, прилегающий к дому, и открытый горизонт за окном, до самого моря. Меня потянуло к земле, к ее запаху, я почувствовал, что это именно то лекарство, которое мне нужно сегодня. И хотя и мои близкие, и друзья советовали не делать этого, мы продали свою квартиру в городе и купили дом в Яффо. Именно эта связь с землей оказалась очень важной для меня в тот период. Это привнесло новую энергию в мою жизнь и творчество.

Персональная выставка в Иерусалимском музее начиналась именно с работ, созданных после переезда в Яффо, и включала периоды жизни в Италии, Нью-Йорке и Париже".

В Музее Израиля в Иерусалиме было выставлено 108 работ Яна Раухвергера. Пять огромных открытых пространств. Одна из самых впечатляющих персональных выставок израильских художников за последние годы. Лестными рецензиями пестрели все израильские газеты и профессиональные издания. Примерно половина из этих картин будет выставлена в Третьяковской галерее в рамках обменной программы между Третьяковкой и Иерусалимским музеем. (Из запасников галереи в Иерусалиме выставлялся русский авангард первых десятилетий XX века.) Отдав должное куратору израильской выставки, г-же Рут Афтер-Габриэль, Ян очень тепло отзывается о кураторе своей московской выставки Нине Дивовой. "Она умеет смотреть, умеет видеть, решать, оставаясь в то же время очень гибкой и внимательной к мнению художника. Это редкое качество у куратора. Правда, Нине Глывовне не пришлось выбирать из тысяч работ, но зато она не ограничилась увиденным в музее и отобрала для экспозиции несколько картин из моей мастерской".

Так как это уже вторая выставка работ Яна Раухвергера в Москве за годы его жизни в Израиле, он думал, что будет волноваться куда меньше. Первая выставка прошла успешно, друзья и бывшие ученики уже видели его работы, он уже испытал шок возвращения и ощутил и человеческое тепло, и внимание.

"В прошлый раз были в основном близкие мне люди. А на этот раз выставку увидит куда более широкий круг ценителей искусства. Мне интересны их реакция, их мнение. Мне очень интересно, как в залах Третьяковской галереи, в другом пространстве, выставочном и жизненном, будут "работать" мои картины. Я никогда не относился серьезно к тому, что обо мне пишут, потому что эталоном для меня всегда был подход Вейсберга, его критика, его взгляд, куда более конструктивный в плане разбора работ. По сравнению с Вейсбергом все критики Израиля просто не знали, о чем говорят. Я боюсь, что и в Москве это так, но буду радостно удивлен, если будет иначе".

Йосси ТАВОР
Иерусалим

Кувьтура — 2004-2-8 сент. — 17